

Предисловие

На долю Ефима Григорьевича Эткинда (1918–1999) выпала завидная и вдохновенная судьба. Им восхищались – его талантом и умом, обаянием и мужественностью, необыкновенной работоспособностью, которую он сохранил до последних дней. Ни одно из его многочисленных выступлений, будь то перед студенческой, научной или писательской аудиторией, не проходило без аншлага: люди шли «на Эткинда», одно имя которого с годами стало синонимом высоких человеческих чувств и качеств – благородства, честности и гражданской отваги. Выдающийся историк литературы, стиховед, теоретик и практик художественного перевода, он снискал любовь и уважение во всем мире – об этом свидетельствует и огромная библиография его научных и литературных трудов, изданных на многих европейских языках, и многочисленные почетные звания, которых он был удостоен во многих странах: почетный профессор Десятого парижского университета, член-корреспондент трех немецких академий, кавалер золотой пальмовой ветви Франции за заслуги в области французского просвещения, доктор honoris causa Женевского университета; наконец, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Союза писателей Санкт-Петербурга и Международного ПЕН-клуба... Подготовленные им книги и работы продолжают выходить и после его кончины.

Е. Г. Эткинд родился в феврале 1918 года, вслед за революцией, и пережил со своим поколением и страной все ее трагические этапы. Откликаясь на *Книгу воспоминаний* своего многолетнего друга Игоря Михайловича Дьяконова, ученого-востоковеда и переводчика, он писал именно об этом: «Снова, снова, снова – гибель близких, собратьев, учителей». И добавлял: «...Жизни наши похожи (только ли наши две?). Его отца расстреляли в 1938 году, моего чуть раньше арестовали и выслали; он умер от голода в блокаду, в 1942-м. Его два брата погибли: младший на войне, старший вскоре после нее; мои два брата умерли в семидесятых годах, оба вследствие травли, которой подвергся я и рикошетом они».

После Отечественной войны, которую он, вчерашний студент, прошел военным переводчиком, Ефим Григорьевич оказался одной из жертв известной «космополитической кампании», направленной против его учителей; он был уволен из Первого института иностранных языков в Ленинграде и на три года уехал работать в Тулу. «Вы все кичитесь, что учились у Жирмунского и Гуковского, – говорил ему секретарь партбюро, – а надо было – у Ленина и Сталина». Однако именно у В. М. Жирмунского и Г. А. Гуковского учился Е. Г. Эткинд. Его докторская диссертация «Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики», защищенная в 1965 году, стала основополагающим трудом в новейшем изучении русской и западноевропейской поэзии. История поэзии и перевода, стиховедение и стилистика – этими темами Ефим Григорьевич всегда умел увлечь своих читателей и учеников, раскрывая феноменальное богатство исторических аналогий и поэтических явлений.

В апреле 1974 года по представлению КГБ Е. Г. Эткинд был лишен всех степеней и званий и уволен из ленинградского Педагогического института имени Герцена, в котором проработал более двадцати лет. Вслед за тем секретариат ленинградской писательской организации исключил его из Союза писателей. Среди обвинений,

изложенных в специальной «Справке», два должны были выглядеть особенно устрашающе: связь с Солженицыным – Эткинд «длительное время хранил у себя» его рукописи – и «близкие отношения» с Бродским: Эткинду помянули и защиту поэта во время известного процесса в середине шестидесятых, и причастность к машинописному собранию его сочинений, в котором органы усмотрели антисоветский характер. 16 октября 1974 года Эткинд с семьей вынужден был уехать за границу.

Вернувшись на родину после пятнадцати лет изгнания, на юбилейной ахматовской конференции в июне 1989 года Е. Г. Эткинд прочел блестящий доклад о симметрической композиции «Реквиема». И в его собственной жизни многое было подчинено симметрии, в результате чего полярные явления судьбы уравновешивали ее главное содержание и направление. В эмиграции Ефим Григорьевич с теми же энтузиазмом, эрудицией и интуицией, с которыми он исследовал и пропагандировал великую европейскую культуру в России, принялся пропагандировать и исследовать великую русскую культуру в Европе.

Уместно сравнить его работы, опубликованные в России и на Западе, – сравнить и вспомнить о них, благо мы умеем многое и быстро забывать. Так вот, «до отъезда» у Е. Г. Эткинда вышли книги, написанные им или им составленные, которые стали вехами в современном литературоведении, в теории и практике художественного перевода: двухтомный *Семинарий по французской стилистике* (1961, 1964), *Поэзия и перевод* (1963), *Писатели Франции* (1964), *Разговор о стихах* (1970), *Бертольт Брехт* (1971), *Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина* (1973), *Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв.* (1969, 1973), образцово подготовленные сборники Бодлера и Верлена, множество других исследований, статей и отдельных переводов. Наконец, им был составлен для «Библиотеки поэта» двухтомник *Мастера русского стихотворного перевода* (1968), внесший, как выяснилось позднее, свой «вклад» в изгнание автора из страны. Вернее, этот вклад внесли те – ныне поименно названные – чиновники от литературы, которые нашли идеологическую диверсию в утверждении, что в советскую пору русские поэты, «лишенные возможности до конца высказать себя в оригинальном творчестве, <...> говорили со своим читателем устами Гете, Орбелиани, Шекспира, Гюго». Взлет отечественного перевода в советскую эпоху обретал конкретные причины и особый смысл. Вспоминая об этом эпизоде, Ефим Григорьевич цитировал стихи ленинградской поэтессы Татьяны Галушко: «Из Гете, как из гетто, говорят / Обугленные губы Пастернака...» «Эти строчки, – замечал он, – и теперь кажутся мне гениальными, в них жаждал все, что я мог бы изложить в долгих рассуждениях».

Между тем, «долгие рассуждения» профессора Эткинда продолжились на Западе. Там были изданы фундаментальные работы: *Материя стиха* (1978, 1985), *Кризис одного искусства: О поэтике стихотворного перевода* (1982, на французском языке), *Симметрические композиции у Пушкина* (1988), книга эссе *Стихи и люди* (1988), воспоминания – *Записки незаговоририка* (1977) и *Процесс Иосифа Бродского* (1988), составлена остроумная книга эпиграмм, организовано издание многоотомной истории русской литературы и отдельных книг переводов на французский и немецкий языки стихов Пушкина и Лермонтова, Ахматовой и Цветаевой... Вышедшая в Париже антология русской поэзии «от Кантемира до Бродского» вызвала и там, на Западе, раздражение консерваторов. Верный своим литературным пристрастиям и педагогическим принципам, Ефим Григорьевич собрал вокруг себя плеяду талант-

ливых переводчиков, которые вопреки традиции классического французского перевода стихов прозой или верлибром стали переводить «в рифму» и «в размер», то есть, следуя законам русской школы поэтического перевода, создавать эквилинеарный и эквиритмический перевод. Среди таких попыток были и большие удачи: в частности, в 1982 году Французская академия присудила премию группе поэтов-переводчиков под руководством Эткинда за издание первого во Франции собрания сочинений Пушкина.

Почти все годы вынужденной эмиграции Эткинд неоднократно возвращался к мучительному для него вопросу, который сформулирован в *Записках незаговорщика*: «Понимает ли читатель на Западе степень моей связанности с той жизнью, мою от нее неотделимость? Мою вплетенность в эту ткань, где я был всего одной только ниткой, но ведь и частью ткани?..» Ответом и себе, и окружающим на этот вопрос была в полном смысле слова подвижническая деятельность Эткинда по исследованию, переводу, пропаганде русской классической и современной литературы на Западе.

В последние годы в России вышли итоговые книги Эткинда: большой том статей о русской поэзии XX века *Там, внутри* (1996); в серии «Новая библиотека поэта» сборник *Мастера поэтического перевода* (1997), посвященный русским поэтам-переводчикам XX столетия; исследование русской прозы на фоне европейской – книга *«Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопозетики русской литературы XVIII–XIX веков* (1998); двуязычная антология *Маленькая свобода*, включившая переводы самого Ефима Григорьевича из двадцати пяти немецких поэтов за пять последних веков (1998). Завершением эткиндовской пушкинианы стали два тома, вышедшие незадолго до его смерти, – свод научных исследований *Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции* и юбилейное издание, приуроченное к двухсотлетию поэта: *Избранная поэзия А. С. Пушкина в переводах на французский язык*. Уже посмертно вышло новое издание *Записок незаговорщика*, объединенных с автобиографической *Барселонской прозой* (2001). Наконец, в 2004 году была выпущена книга *Ефим Эткинд: Здесь и там*, первая часть которой включает материалы из литературного наследия Е. Г. Эткинда, а во второй собраны многочисленные воспоминания: «Эткинд о людях – и люди об Эткинде».

* * *

В литературном наследии Е. Г. Эткинда значительное место занимает эпистолярная часть. Ефим Григорьевич обладал удивительным талантом общения, можно сказать, гиперкоммуникабельностью, которая позволяла ему на протяжении всей жизни знакомиться с огромным количеством самых разных людей, заводить все новые и новые дружбы, открывать для себя одаренных поэтов, потрясающих художников, гениальных ученых. Увлекаясь ими, он старался поделиться своими открытиями со всем миром и прежде всего – со старыми друзьями. Верность прежним дружеским связям, жадный интерес к новым, постоянная готовность помочь, протянуть руку – все эти свойства его характера нагляднейшим образом отразились в его переписке. Родные, друзья, коллеги-филологи, переводчики, писатели, художники – круг адресатов его писем расширялся из года в год. Особенно интенсивный характер эта переписка приобрела после вынужденного отъезда Эткинда во Францию в октябре 1974 года.

За четверть века жизни в эмиграции он написал и получил сотни писем, большая часть которых сохранилась в его архиве. Со своей всегдашней любовью к порядку в бумагах Ефим Григорьевич как правило оставлял себе копии собственных писем. Все это позволило ему в последние годы жизни собрать значительную часть своего эпистолярия в отдельный том, который стал основой настоящего издания.

В первоначальный состав были внесены некоторые изменения и дополнения: обнаружился ряд писем, расширяющих и уточняющих переписку с корреспондентами Эткинда; в то же время оказалось, что часть писем, первоначально включенная им в подборку, по разным причинам не может быть сегодня опубликована.

Переписка охватывает более трех десятилетий, с середины 60-х по конец 90-х годов прошлого века, и представляет три периода в личной биографии автора, совпадающие с тремя периодами в истории современной России: брежневский застой; перестройка; распад Советского Союза и реформы девяностых. Как человек ярко выраженной гражданской позиции, Е. Г. Эткинд постоянно выходил за рамки научных и творческих проблем, становясь центром притяжения и отталкивания общественных и политических интересов большинства своих собеседников; активнейший деятель культуры, он всегда оказывался в гуще борьбы за демократические ценности и гуманистические идеалы.

Для задуманной книги Е. Г. Эткинд отобрал свою переписку с более чем шестью десятками корреспондентов. Среди них можно выделить три основные группы: западные слависты; русские эмигранты; друзья и коллеги, оставшиеся на родине после его собственной эмиграции. Переписка с этими последними шла в основном при помощи оказий, поэтому по большей части носила неподцензурный характер. В представленных письмах отражены определенные тематические узлы: самый широкий круг сведений о том, что происходит в России и в Европе (события личного и общественного характера); издание работ отечественных ученых и писателей, равно как их трудоустройство на Западе; взаимоотношения внутри эмиграции; отклики (рецензии) на вышедшие книги; политическая полемика; бытовая тематика. При всей очевидной неполноте переписка воссоздает атмосферу эпохи, а события и отдельные личности обретают заслуженное место и значение в истории современности.

* * *

И в заключение несколько слов о структуре издания. В книге выдержан алфавитный порядок корреспондентов Е. Г. Эткинда с краткой биографической справкой о каждом. Комментарии помещены в конце подборки писем; авторские примечания даются постранично, под звездочкой. Книга снабжена аннотированным именованным указателем. Перед именованным указателем приводится список комментаторов. В тексте писем как правило сохраняются особенности авторской пунктуации.

Переписка с Генрихом Бёллем, Ильмой Ингольд-Ракузой и Карлом-Хайнцем Корном переведена с немецкого Г. Ю. Бергельсоном.

Михаил Яснов